

Дмитрий БИЛЕНКИН

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Фантастический рассказ

Сначала возникла точка. Система корабельного зрения мгновенно напряглась, как человеческий взгляд при попытке разглядеть далекий и смутный предмет. В ту же миллисекунду Киб зажег над пультом стандартный сигнал.

Но обсервационная была пуста. Киб это знал. Собственно, он существовал еще и затем, чтобы людям не надо было круглосуточно следить за Пространством и беспокоиться

при появлении вдали обычных, достойных лишь автоматической регистрации объектов. Похоже, сейчас был тот самый случай. Неизвестный объект шел по касательной на пределе видимости и явно ничем не грозил звездолету. В общем-то, Киб уже понял, что это такое, и продолжал напряженно вглядываться лишь потому, что человек наделил его острой любознательностью.

Текли минуты, каждая из которых перемещала корабль на миллионы километров в Пространстве.

Все шло своим чередом.

Не совсем.

Конкин, что с ним редко бывало, проснулся раньше времени. Впрочем, не это его удивило, а ясное, четкое и недвусмысленное, как звонок, ощущение, что он обязан проснуться.

Откуда оно взялось? С минуту Конкин неподвижно лежал с открытыми глазами. В каюте было темно, тихо, уютно — Киб берет сон так же надежно, как и корабль. Быть может, что-то скрывалось в сновидении? Снилось какая-то авантюрная чепуха, будто он должен проникнуть в некий замок, что-то разведать в нем, и все шло прекрасно, только уже при выходе из замка охранник вдруг изумленно уставился на карманы его штанов.

Конкин тоже невольно опустил взгляд и удивился не менее: из его брючных карманов нагло торчали столовые ложки!

— Что это у вас? — подозрительно спросил крепколицый страж.

— А это, видите ли, хобби у меня такое... — отвечивал Конкин.

Столь нелепый ответ почему-то развеселил обоих. Тугое лицо охранника расплылось в понимающей улыбке, а Конкин почувствовал себя беззаботным зрителем приключенческой, с самим собой в главной роли, комедии. Он весело шагнул к воротам, но вместо охранника там уже стоял худой и грустный Дон-Кихот в латах.

Это обычное во сне превращение лишь смутно удивило Конкина; однако ему стало неловко за торчащие из кармана ложки. Но Дон-Кихот смотрел дружелюбно, печальный взгляд карих глаз идалго словно был освещен изнутри мягким закатным светом, и у Конкина сразу потеплело в груди.

— Хорошо, что вы здесь, — сказал он удовлетворенно.

— Где мне еще быть, как не в памяти? — спокойно проговорил Дон-Кихот, и Конкина поразила понятная лишь в сновидении мудрость такого ответа.

И тут что-то заставило его проснуться.

Что?

Не составило труда сообразить, откуда в сновидении взялся Дон-Кихот и в чем смысл его ответа. То была всего лишь фантастическая проекция недавних слов Зелена, который обожал парадоксы. «Знаешь, что странно? — сказал он тогда Конкину. — В старину так много писали о «чудесах техники» и не замечали куда больших чудес искусства». — «Каких именно?» — любопытствовал Конкин. «Да самых обычных. Кого

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ты, например, лучше знаешь — Гамлета или Шекспира, Дон-Кихота или Сервантеса, Робинзона Крузо или Дефо? Кого мы лучше представляем, кто для нас в этом смысле реальной — образ или его создатель?» — «Не вижу в этом парадокса». — «А я вижу. Что мы знаем о тысячах и тысячах современников того же Гамлета, которые действительно жили, любили, страдали, боролись? Ничего! Будто их не было вовсе. А вот Гамлет для нас существует. Есть в этом какая-то несправедливость...»

Выходит, эти слова затронули что-то глубокое, раз они всплыли во сне. Но при чем здесь четкий нетерпеливый сигнал «проснись!»?

Разгадка, сколько Конкин ни думал, ускользала. Он знал, что в таких случаях надо сделать. Забыть, переключиться! Тогда ответ будет искать само подсознание и, возможно, найдет.

А начать следует с обычной разминки, сегодня она особенно кстати.

Сообразив, кто именно сейчас бодрствует, Конкин ткнул кнопку вызова.

— Приятного пробуждения, брат моллюск! — тотчас плеснулся из динамика веселый голос Зеленина.

— Старо, — ответил Конкин, одеваясь. — Было.

— Где? Когда? — встрепенулся голос, и Конкин живо представил, как над изумленным глазом приятеля косо взметнулась бровь, как дрогнула рука с неизменно зажатым в ней миниатюрным компьютером.

— Впервые образ корабля-скорлупы и, следовательно, людей-моллюсков возник в одном фантастическом рассказе двадцатого века, — отчеканил Конкин. — Было. Старо. Лежит на поверхности, как всякая явная ассоциация.

— Эрудит несчастный... — сокрушенно вздохнул голос. — Ладно, твой ход.

— Слово «Конкин». Неявные ассоциации, пожалуйста.

— Двугорбый верблюд! — мгновенно выпалил голос.

— Кон-кин, — медленно повторил Конкин. — Пауза посередине, перегиб, верблюд. Лежит на поверхности.

— Да, пожалуй, — нехотя согласился Зеленин. — Тогда утюг!

— Как?

— А-а! Не видишь ассоциации?

— Нет...

— Конкин — конка... Улавливаешь?

— Не припомню такого слова...

— Значит, есть эрудиты получше тебя. Кроме Киба, само собой... Конка — это такой древний, на лошадях, влекомый по рельсам транспорт. Нечто архаичное, движимое мускульными усилиями, неповоротливое. Как утюг.

— Здорово! — восхитился Конкин. — Второе ассоциативное производное, это не банально...

— Тем и живем, — с гордостью сказал Зеленин и отключился.

Конкин покачал головой. Подобная и вроде бы несерьезная гимнастика ума была для него, как и для всех, в той же мере развлечением, в какой и жесткой, привычной, как дыхание, не-

обходимостью, ибо давно прошли те времена, когда избавление кораблей от ракушек почиталось проблемой, но мало кто задумывался, сколь опасна в быстроизменяемом мире прогресса короста ввевшихся стереотипов.

Однако тайная надежда, что эта зарядка, раскачав подсознание, заставит всплыть причину внезапного пробуждения, не оправдалась.

«Забыть, забыть!» — напомнил себе Конкин.

Мысли Конкина, когда он переступил порог обсервационной, были — так ему, во всяком случае, казалось — обращены исключительно на дело.

Сигнал о появлении в зоне видимости неизвестного тела он заметил тотчас. Быстро взгляделся в роспись цифр на табло. Из-за колоссальной удаленности объекта их точность оставляла желать лучшего, и все же сомневаться не приходилось: обыкновенный метеорит! Правда, крупный и, очевидно, железный. Так отражать радарные импульсы мог бы, предположим, чугунный утюг.

«Почему утюг? — удивился шальному сравнению Конкин. — Ах да! Зеленинская ассоциация застряла...»

Он улыбнулся. В Пространстве можно было, чего доброго, наткнуться на выход в иное измерение, на причинно-следственную флюктуацию, но только не на утюг. Зато метеорит был в нем такой же банальностью, как змея в лесу. Конкин слегка скосил взгляд. Ну конечно! Как ни далеко находилось тело от корабля, как ни расходились их траектории, Киб держал его в прицеле аннигилятора. На всякий случай... Такие вопросы безопасности Киб решал сам. И мигом занимал оборонительную позицию.

«Как питекантроп при малейшем шорохе. Еще бы! Мы тоже находимся в довольно враждебной среде...»

— Что за объект? — на всякий случай спросил Конкин.

— Метеорит класса Z-2, достоверность определения девяносто пять процентов. — Голос Киба, как всегда, зазвучал так, словно невидимый собеседник находился рядом. — Параметры...

— А вдруг это змея? — неожиданно для себя пошутил Конкин и тут же отметил, что это скорей всего дань тому, утреннему...

— Со змеей объект не коррелируется ни по одному параметру, — прозвучал бесстрастный ответ.

Нет, юмором Киб не обладал. Зато он знал, что такое «змея». И что такое «конка», он тоже наверняка знал. Чего только не знала, не могла, не умела эта новая модель искусственного интеллекта! Пожалуй, ее способности не были до конца ясны самим создателям, поскольку эта машина обладала чем-то вроде подсознания.

Вздыхнув, Конкин вместо того, чтобы забыть о метеорите и заняться текущей работой, спросил:

— Через какое время ты потеряешь метеорит из виду?

— Через семнадцать минут сорок девять секунд, — ответил Киб.

— Ничего нового о нем, конечно, узнать не удастся...

— Только в случае изменения курса. Будет такой приказ? Еще чего! Изменить курс звездолета ради какого-то метеорита — все равно, что остановить поезд из-за придорожного цветочка. А жаль. Как хорошо сейчас было бы прогуляться по шершавой, в матовых вздутых поверхностях космического странника, нарушив однообразие будней, покружиться над изломами темных скал, рукой в перчатке тронуть незнакомую твердь...

У Конкина даже ноги занули от томительного и сладкого предвкушения прогулки.

«Сведи к необходимости
всю жизнь —
И человек сравнивается
с животным», —

внезапно подумал он словами Шекспира.

Что с ним такое сегодня?

— Зеленин...

— Да? — отозвался голос.

— Не хочешь ли ты прогуляться по уюту? Он в пределах видимости.

— По уюту... А, понял! Очередной метеорит, что ли?

— Размерами скорей даже астероид. Я вот что подумал: если можно изменить место заложения очередного вакуум-полигона, то...

— Исключено, — голос друга сразу обрел жесткость. — Здесь мы не получим нужных результатов.

— Нет так нет. Жаль.

— Мне тоже, — голос смягчился. — Вот если ты обнаружишь в Пространстве, допустим, консервную банку...

Конкин с сожалением отключил связь. Железный метеорит. Железный график. Железные люди. Все кругом из сплошного железа.

— Интересно, можно ли, хотя бы теоретически, натолкнуть в Пространстве на консервную банку... — пробормотал Конкин, придвигая к себе груды листов с незаконченными расчетами поведения фридмонов в магнитополяризованном вакууме.

— Докладываю, — внезапно проговорил Киб. — Обнаруженное в Пространстве тело может оказаться аналогом консервной банки...

— Что-о?!

— ...С вероятностью ноль-три.

Спятил!!! Секунду-другую Конкин ошарашенно соображал, кто именно спятил — он или Киб.

— Что?.. — переспросил он наконец слабым шепотом. — Откуда... откуда такая вероятность?

— Значение реальной, выявленной гравилоратором массы меньше той, которую при данном объеме мог бы иметь метеорит любого типа, что с вероятностью ноль-три, в данный момент наблюдения и указывает на пустотелую природу объекта, следовательно, на его сходство с любой металлической емкостью.

— Не вижу. — У Конкина пересохло горло, он быстро обжег взглядом хорошо знакомый ряд цифр. — Не вижу расхождения!..

— Показываю.

Мелькнула серия преобразований, и теперь Конкин понял, в чем дело. Расхождение масс того значения, которое ей давал гравилокатор, и вычисленной по объему предполагаемой плотности вещества было минимальным, на грани погрешности. В сущности, таким расхождением в столь неопределенных условиях наблюдения можно было и пренебречь.

Киб этого не сделал. Почему?

Да потому что любознательность — тоже страсть, а она осталась неудовлетворенной! Киб желал сближения с метеоритом не менее Конкина, вот и все.

Но если объект действительно пустотелый, то...

Нет в Пространстве и быть не может огромной консервной банки. Зато в нем может оказаться чужой корабль, тело, в физическом смысле весьма схожее с жестянкой. Правда, нужен человеческий юмор, чтобы прибегнуть к такому сравнению, а Киб юмором не обладал.

— Вероятность ноль-три, — хмурясь от внезапной мысли, проговорил Конкин. — Ты мог ею пренебречь...

— Мне был задан вопрос.

— Риторический!

— Сожалею, если ошибся. Параметры риторической интонации не всегда отличимы от параметров прямого вопроса.

Верно, подумал Конкин. И все же странно. Какой-то разгул ассоциаций сегодня, даже Киб заразился. Может, и ему передалось чужое настроение? Но выяснять некогда. Надо решать, что делать, — объект вот-вот скроется...

— Какова целесообразность сближения с объектом при столь малой вероятности, что он окажется инопланетным кораблем? — быстро спросил Конкин.

— Плюс-минус бесконечность, — бесстрастно ответил Киб.

Конкин кивнул. Все правильно. Известен убыток от срыва программы, и совершенно непредсказуема выгода от встречи с чужим звездолетом. Бесконечно большим может оказаться и ущерб, коль скоро теория неверна и в Галактике есть высоко развитые, но агрессивные цивилизации. Никто же о них ничего не знает, все догадки с большей или меньшей долей вероятности! Достоверен лишь слабый намек на то, что метеорит способен оказаться искусственным телом.

Так стоит ли проверки ради менять курс и нарушать программу?

Строго говоря, задача не имела решения. То была лотерея, и лучший из логиков, Киб, это только что подтвердил.

И все же подобные задачи решались испокон века.

Благодаря интуиции.

«А что тебе, Киб, подсказывает твоя интуиция?» — едва не спросил Конкин, но вовремя удержался. Киб не обладал интуицией, ею люди не могли его вооружить, ибо сами еще как следует не разобрались в том, что же она такое.

Хотя и сумели немного развить в себе.

Конкин стремительно нажал кнопку общего вызова.

Точка росла, все более обретая на экране сходство с рогатой старинной подводной миной. Все уже было ясно, но еще

никто не сказал ни слова, точно восклицание могло повлиять на законы механики и выбросить гело из зоны видимости. В рубке было так тихо, как будто люди перестали дышать, только лица бледнели по мере того, как невозможное, невероятное — инопланетный корабль — прорисовывался на экране. И Конкин не знал, чего в его душе больше — облегчения, ликования, интереса или самого обыкновенного страха.

Его не могло не быть, ибо точно так же, как они держали на прицеле лужой корабль, тот, в свою очередь, держал на прицеле их. И это упорное молчание! Никакого ответа ни на один сигнал, никакого встречного поиска; столь безучастно мог бы вести себя гроб.

Или самая настоящая мина.

Машинально Конкин смахнул с лица пот и с недоумением взглянул на ладонь. Он видел бледные лица друзей, понимал, что сам выглядит так же: тогда откуда пот? Вроде бы человек бледнеет тогда, когда сосуды сжимаются, а пот выступает, когда они расширяются... Или не так?

«О чем вы думали в то историческое мгновение?» — быть может, спросят его когда-нибудь. М-да...

— Пора, — почти беззвучно сказал Зеленин.

Все облегченно задвигались, как будто изменилось что-то.

С едва ощутимым толчком от звездолета отделился зонд. Мгновение спустя он возник на экране. Серебристая в звездном отблеске капля раскрылась, словно бутон, обратилась в подобие какого-то треножника. Лиловым трепетным шнуром вдоль оси «треножника» вытянулось пламя. Уменьшаясь, зонд устремился к чужому кораблю.

Сейчас все должно было решиться. Ни один конструктор, будь он даже из другой галактики, не мог допустить тесного сближения корабля с инородным телом. Безмолвный экипаж или кибер, если корабль был беспилотным, обязаны остановить зонд. Выстрелом? А может, еще и залпом по людям?

Конкин украдкой взглянул на стену рубки, такую прочную и такую тонкую, слабую перед буйством аннигиляционного огня. Правда, расстояние было еще велико. Будь на том корабле аннигилятор земного типа, залп ничем не грозил. Но там, конечно, стоял неземной аннигилятор. Или вообще не аннигилятор...

Неизвестно, что там могло быть. Неизвестно, почему они молчат. Неизвестно, о чем думают. Оставалось лишь положиться на теорию, которая утверждала, что у воинственной цивилизации просто нет шанса выйти к звездам, ибо прежде ее должны растерзать внутренние конфликты. Впрочем, с той минуты, когда люди разглядели чужой звездолет, выбора уже не существовало — ведь точно так же те разглядели их.

Лиловый выхлоп зонда обратился в точку. Эта искорка неуклонно приближалась к миноподобному телу, но пока не встречала отпора. Конкин, как и остальные, подался вперед, когда на зонде включился видеопередатчик.

Изображение сразу укрупнилось. Теперь бросалось в глаза, сколь огромен корабль. Его сходство с колоссальной и будто сошедшей с кинолент прошлого века подводной миной стало еще более разительным из-за каких-то темных, как наплав водорослей, вздутий на броне. Повинуясь команде, зонд огибал

это чудовище по дуге большого круга, тем уменьшая риск спровоцированного поспешным сближением отпора.

Возникло обманчивое впечатление, будто чужой корабль поворачивается, затмевая звезды. И когда, наконец, открылась невидимая прежде часть, тишину рубки потряс общий возглас: в центре звездолета зияла пробоина!

Едва возглас смолк, как все вскочили, вытянулись в том же порыве молчания, в каком люди всегда отдавали почесть погибшим.

Конкин оглянулся, прежде чем нырнуть в темный провал пробоины. С буев светили прожекторы. Удивительно, как мог инопланетный корабль показаться похожим на мину. Впрочем, человек на все смотрит сквозь призму своих эмоций и стереотипов. Теперь как издали, так и вблизи мнимое сходство корабля с древним оружием убийства уже не обманывало взгляд. Если эта инопланетная конструкция на что-то и походила, то скорей на упражнение педантичного тополога, — так неприлично были вывернуты все ее формы.

Теперь это особенно бросалось в глаза. В слепящем свете электрических солнц корабль висел как фантастическая планета, и на мгновение Конкин почувствовал себя сказочным пигмеем. К реальности его вернуло нетерпеливое движение Зеленина, которому он загородил путь.

Первые шаги внутрь вели через хаос рваного и оплавленного металла, который в слабом поле тяжести застыл причудливыми оплывами, сосульками, нитями. Беглый свет фонарей шевелил искореженные тени, сливая их в сумятицу черно-белых фигур, взблесков, пятен, извивов, месиво скачущих форм и сплетений. Невозможно было понять, какой силы взрыв искромсал все вокруг. В ушах мерно отдавалось пощелкивание радиометра, перед глазами мельтешили потревоженные тени мертвого корабля.

Переставляя коробочку детектора с одного излома на другой и вслушиваясь в бормотание анализатора, Конкин сам уподобился тени — таким вынужденно бесшумным и гибким было его скольжение через весь этот хаос. Половину внимания забирало само движение, остальное поглощал голос материи, которая, докладывая через детектор о своем составе, структуре до и после взрыва, связывала Конкина с неведомыми строителями корабля, их давними замыслами, знаниями, воплощенными в металле идеями. Загробный, если вдуматься, разговор, и тем не менее самая обычная для человека вещь, ибо на Земле археологи точно так же вступают в мысленную, хотя и одностороннюю, связь со всеми исчезнувшими поколениями землян.

Наконец зона разрушений осталась позади. Вздохнув с облегчением, Конкин выпрямил спину. Впереди простирался изогнутый коридор с какими-то овалами (дверями?) по обеим сторонам. Нигде ни одной угловатой линии, словно инопланетные строители жили в мире без единой плоскости.

— Совершенно не представляю, где у них что... — пробормотал Зеленин.

— Я тоже, — ответил Конкин. — Придется идти наобум. Археолога бы нам в компанию! Они специалисты по таким ребусам.

— Ладно, подожди годик-другой, я тем временем слетаю за ними на Землю... Пошли!

— Пошли...

Оба чувствовали себя неважно, и непочтительная легкость их разговора была защитной реакцией. Мертвенность корабля угнетала. Собственно, то же самое могло случиться и с людьми, как, увы, и случилось. Некоторые земные звездолеты, верно, и сейчас вот так же несутся в Пространстве и будут в нем странствовать еще миллионы лет.

Вещество, которым был покрыт пол, лишь с виду казалось прочным. Едва Конкин на него ступил, как оно взвилось облачком пыли, которая, понятно, и не думала оседать. Обернувшись, Конкин с досадой посмотрел на ребристый след своей подошвы. Вот уж действительно «на пыльных тропинках...». Теперь этот след сохранится навечно. То есть, разумеется, не навечно, но пару миллионов лет он вот так продержится.

— Не годится, — сказал Зеленин. — Все запылим.

— Естественно, — ответил Конкин и слегка оттолкнулся.

Здесь была сила тяжести, но такая ничтожная, что можно было парить, лишь иногда касаясь стен. Регулируя полет, они подплыли к овальной двери (если это, конечно, была дверь), но она не поддавалась. Не поддались и другие.

— Успеем вскрыть, — сказал Зеленин.

Конкин молча кивнул и поплыл дальше.

Все одно и то же: пустой, изогнутый, яйцевидный в сечении коридор и овалы по сторонам. Так прошло пять минут, десять...

Внезапно коридор оборвался. В его торце тоже находился овал. Конкин тронул его без всякой надежды, однако на этот раз дверь уступила нажиму.

Застывший в кресле скелет — вот первое, что они увидели внутри. То и другое было столь необычным и чудовищным для взгляда, что люди в первый момент даже отшатнулись.

Зеленин молча водил съёмочной камерой, и так же молча Конкин наблюдал за ним. Ничто не теряется, думал он. То, что ложится сейчас на голограмму, прорастет, как семя. По скелету легко восстановить индивидуальный облик, а в облике отражен характер. Еще найдутся записи, много чего отыщется. А поскольку все связано со всем так тесно, что капля многое может рассказать об океане, корабль — о цивилизации, строчка дневника — об авторе, то, перебрав информацию, установив системно-корреляционные связи, Киб приближенно воссоздаст и структуру личности, возбудит оборванный смертью ход мыслей и чувств. Давно не проблема вот так реконструировать человеческую психику, надеть модель самостоятельной, вплоть до участия в разговоре, жизнью. С инопланетянином, понятно, все будет гораздо, гораздо труднее. Но и тут небезнадёжно: чем выше цивилизация, тем совершеннее ее память, тем лучше в ней сохраняется личность.

«Ты, может быть, думал, что все уже кончено, — мысленно обратился Конкин к черепу. — Не совсем...»

Он перевел взгляд на пульт перед креслом. Скорей всего это помещение было чем-то вроде рубки или обсервационной. Но какие немыслимые устройства! Даже кресло можно отождествить с креслом только потому, что его явно использовали как сиденье, иначе вряд ли бы тут оказался скелет. И пульт можно было назвать пультом только по аналогии: сплошной сюрреализм...

— Киб сообщает, что готов по снимкам реконструировать облик инопланетянина, — сказал Зеленин. — Посмотрим?

— Да, да, конечно!

Зеленин, прижав ладонь для упора к груди, привычно отрегулировал наручный видефон. Зеркальце тут же осветилось, и рядом с настоящим креслом возник его голографический двойник. Теперь в рубке было два внешне одинаковых кресла, два неотличимых скелета, только призрачный чуть подрагивал вместе с креслом в такт биению пульса замершей руки Зеленина.

«А пульс-то частит, — машинально отметил Конкин. — Ну естественно...»

Мгновение спустя сходство изображения с оригиналом исчезло, поскольку Киб начал реконструкцию. Никакой — от Кювье до Герасимова — основоположник метода не успел бы понять, что к чему, — так быстро работал Киб.

— Да... — только и сказал Конкин.

Не то чтобы возникшее в кресле существо вовсе не напоминало человека: выражение его глаз не было бессмысленным, как у стрекозы или ящерицы. Но сами эти глаза походили на человеческие не больше, чем репей на оптическую линзу. Так же не соответствовало земным канонам и тело, странно вывернутое по всем трем осям, винтообразное в конечностях.

— Его моторика ясна Кибу. — Зеленин повернул к Конкину напрягшееся лицо. — Он может показать тело в движении...

— Не надо!

Это вырвалось непроизвольно, и Конкин не пожалел об этом, хотя для дальнейших поисков отнюдь не мешало бы узнать, как движутся инопланетяне. Но увидеть еще и ожившее тело...

— В другой раз, — поспешно добавил Конкин.

Зеленин понимающе кивнул. Он выключил передатчик, и в рубке снова осталось лишь одно кресло со скелетом, похожим на замысловатое корневище, вернее, ни на что не похожим.

— Да, — обескураженно проговорил Конкин. — Теперь я сомневаюсь, пойдем ли мы их...

— Лишь бы хватало информации, — пробормотал Зеленин. Быстрым взглядом он окинул пульт. — Попробую для начала помозговать над этой аппаратурой.

— Тогда я продолжу осмотр...

Вскоре, однако, выяснилось, что осматривать, в сущности, нечего. Всюду и везде Конкина встречали запертые двери. Какие знания, какая необыкновенная техника скрывались за ними? Взломать двери, конечно, было нетрудно, но всему свое время;

сначала надо было составить общее представление о корабле, его создателях и о том, что здесь случилось.

Но пустые коридоры, не менее пустые переходы меж ярусами мало что могли рассказать. Столь же мало говорили уму кое-где встречающиеся знаки и надписи. Конкин аккуратно транслировал их изображения Кибу, и тот, конечно, уже бился над загадкой чужого языка. Без малейшего, само собой, успеха, поскольку данных не хватало.

Разрушения охватывали значительную часть корабля, но все еще было непонятно, что послужило их причиной — какой-нибудь взрыв внутри или столкновение звездолета с чем-нибудь в Пространстве. Пока Конкин даже не мог сообразить, где, собственно, находится ходовая часть звездолета и по какому принципу он движется. Двигался... Велик был соблазн покопаться в разрушенных помещениях, но Конкин не поддался искушению и потому, что это было преждевременно, и потому, что в хаосе можно было застрять, и потому, что там, если причиной взрыва была неполадка двигателя, могла оказаться неведомая пакость — неизвестно же, каким было горючее!

Все же Конкин сунул голову в одну из трещин, которая наискось пересекала закругленную стену перехода неподалеку от тех мест, где все было смято и искорежено. Ничего особенного Конкин не увидел. Пыль, мусор, опрокинутое сиденье, похожее на кресло в той рубке. Нет, было еще кое-что! Близ стены, под самой трещиной валялась игрушка.

То была небольшая, размером с ладонь, скульптура какого-то, судя по всему, зверька. Почему он решил, что это игрушка?! С таким же успехом это могло быть амулетом, сувениром, ночником, диковинным прибором — всем, чем угодно. И все-таки первой догадкой было — игрушка! Вид зверька был столь же непривычным, как все остальное, но в нем чувствовалась свойственная игрушкам обобщенность форм, мягкая ласковость, которая невольно вызывала желание погладить диковинного зверя. Конечно, это был обман восприятия, ложная подсказка земных образов. Откуда могла взяться на звездолете игрушка? Впрочем... Впрочем, и у него на столике сидел подаренный кем-то пушистый бельчонок.

Как бы там ни было, смотреть на инопланетного звереныша было приятно, хотя его тело тоже было скручено и перекручено самым немыслимым образом. Но чуждое всему человеческому искусство все же делало его приемлемым для взгляда. Может быть, по контрасту со всем остальным. Может быть.

«И все-таки контакт, пожалуй, небезнадежен, — подумал Конкин. — Есть что-то вроде мостика...»

Он уже возвращался и более по обязанности пробовал оставшиеся двери, понимая, что они не распахнутся, ибо в момент тревоги, когда воздух со свистом улетучивался из пробоин, автоматика перекрыла и заблокировала все, что могла. Исключением почему-то оказалась только рубка, хотя автоматика в первую очередь должна была сберечь этот жизненно важный центр. Но всякое бывает при аварии.

Вот именно: внезапно подалась еще одна дверь. Не ожидая

этого, Конкин не рассчитал усилия и влетел внутрь темного помещения, которое, однако, лишь мгновение оставалось темным. Вспыхнувший в нем свет был столь ярко, что Конкин невольно зажмурился. Его рука инстинктивно сжала рукоятку дезинтегратора.

Нелепый жест — помещение было пустым, если не считать нескольких сидений у стены справа. Не это поразило Конкина — свет! Мало того, что освещение уцелело, мало того, что оно включилось автоматически, оно было солнечным!

Никакой ошибки... Все заливал яркий солнечный (южный, подсказало ощущение) свет. Только рассеянный, ибо никакого солнца сверху, разумеется, не было. А было сверху чистое, голубое, бездонное, совсем земное небо. И в нем незримо присутствовало солнце.

Солярий, совсем как на земном звездолете...

Собственный стук сердца оглушил Конкина. «Ничего не понимаю, — билась одна и та же мысль. — Совсем ничего...»

Нет, то был отнюдь не солярий. Когда прошло первое ошеломление, Конкин обратил внимание еще кое на что. На сиденья возле стены, на прямоугольную форму самого помещения. Почему только здесь?.. И эти вроде бы деревянные кресла... Они были именно сиденьями, а не решетчатыми мясорубками, как все прочие на этом корабле. Человек вполне мог на них усесться, они имели вполне земной вид; Конкин даже готов был поклясться, что когда-то видел подобные. Нет, чепуха. Откуда здесь могли взяться земные сиденья?! Впрочем, таких на Земле и нет. Все разные и необычные, грубовато-примитивные, правда, изящные в этой своей примитивности, но для сидения, похоже, неудобные.

Или это тоже обман восприятия? Поколебавшись, Конкин присел на одно из кресел так осторожно, точно под ним была тикающая мина. Однако ничего не произошло. Сиденье оказалось очень тесным и неудобным; неясно, на кого оно было рассчитано, но уж, во всяком случае, не на человека в скафандре. И материал, разумеется, не был деревом, детектор это определил однозначно; какой-то имитирующий древесину пластик...

В подлокотники сидений были вмонтированы ряды кнопок. А это еще зачем? Быть может, то, на чем он сидит, вовсе не кресло... а плита для поджаривания? Или катапульта в иное измерение? Что-нибудь в этом роде. Нажмешь кнопку... Тогда понятно, почему это устройство так непохоже на кресло в рубке: совсем иное назначение.

Конкин еще раз внимательно оглядел помещение. Огромный пустой зал, словно инопланетяне понятия не имели об экономии места. Это на звездолете-то? Пол и стены разлинованы на прямоугольники и квадраты; цвет очерчивающих линий — красный, желтый, зеленый, синий. Последовательность спектра. Таков же цвет и порядок кнопок на подлокотниках. Может быть, экипаж и вправду катапультировался отсюда в какое-то иное измерение? Что нам известно об их технике?

«Допустим, ничего, — подумал Конкин. — Зато нам кое-что известно об их мышлении. Пусть у них все шиворот-навыворот, однако инстинкт самосохранения им присущ, как и людям.

Без этого они все давно погибли бы. Значит, надежнее всего должны быть укрыты жизненно важные центры звездолета. Самы инопланетяне или автоматика в момент аварии обязаны заблокировать все, что возможно. Так и случилось, задраено все. Кроме этого помещения. Кроме рубки или того, что мы считаем рубкой. Выходит, это как раз маловажные помещения, какие-нибудь подсобки».

Логично, но нелепо. Слишком много аппаратуры в рубке. Слишком велик этот зал и слишком необычен для звездолета. И в нем горит свет. Нигде не горит, а здесь, можно сказать, пылает. Точно это самое важное, чтобы он здесь горел. Вспыхнул при появлении живого существа. Озарил все до последней пылинки... которых, кстати, здесь нет. Очевидно, пол их каким-то образом всасывает. Расточительно в аварийной ситуации, дико, ненужно!

Значит, нужно, коли есть! Инстинкт самосохранения — это не все, далеко не все, даже у лягушек не все. Разум всегда ставит перед собой какую-то высшую цель. Вообразим себя на месте инопланетян. Итак, взрыв, катастрофа. Первое — спасти жизненно важные центры, хоть как-то восстановить разрушенное, уцелеть. Не вышло, не получилось, корабль обречен. Что тогда? Тогда надо сберечь, сохранить для других все самое ценное. Записи, наблюдения, информацию. Или груз.

Правильно! Только какое ко всему этому отношение имеют две незаблокированные двери? Смысл таких дверей — впускать. Смысл включившегося света — озарять. Смысл кресел (если это кресла) в том, чтобы на них сидеть. Смысл кнопок в том, чтобы их нажимать. Смысл земного, столь неуместного здесь «неба»... Смысл пустых квадратов... Мудро выразился во сне Дон-Кихот: «Где мне еще быть, как не в памяти?»

При чем здесь Дон-Кихот?!

— Конкин, ты что, оглох?..

— Я?.. Извини, задумался. Тут странно..

— Не у тебя одного. Ты где находишься?

— Под земным небом.

— Я серьезно спрашиваю!

— Я серьезно отвечаю. Надо мной ясное земное небо. Его имитация.

— Ах так! Еще любопытней... Оставайся на месте. Опиши дорогу. Иду с новостями. И какими!

Зеленин столь стремительно возник на пороге, что свет взблеснул на полировке его скафандра, точно разряд скопившейся энергии. Мельком взглянув на «небо» Зеленин быстро двинулся к Конкину.

— Я стал разбираться в аппаратуре. Все мертво! Кроме одной цепи...

— Я так и думал.

— Подожди! Возникла азбучная в своей простоте схема нашего участка Галактики. И курс, понимаешь, там был прочерчен весь, до момента аварии, курс!

— Откуда они шли?

— Важнее, куда они шли. На Землю!!!

— На Землю?! Быть этого не может. С Земли!
— Как... с Земли? Откуда ты взял? На Землю, они летели на Землю!

— Ты в этом уверен? Абсолютно уверен?

— Еще бы!

— Но в таком случае... Так: с Земли и на Землю... Верно!!!
Ну и глупец же я! Да, да! Вот теперь все стало на место.

— Что?!

— Все. Почему здесь над нами такое «небо»?

— Очевидно, у них похожее.

— И сиденья тоже? Приглядишься.

— Постой, постой... Это не для инопланетян, не та у них анатомия. Но не для человека же!

— Ты не узнаешь эти сиденья?

— Чего узнавать, на Земле таких нет.

— Да, но они были.

— Были?!

— Я тоже их не узнал, потому что мысли не мог допустить о тождестве их облика с земными предметами. А когда я все же разрешил себе подумать о такой вероятности, то, не надеясь на память, запросил Киба.

— И он...

— ...Отождествил внешний облик этих сидений с теми, которые изготавливались на Земле в глубокой древности.

— Не может быть!

— Стопроцентная корреляция.

— Но курс! Если инопланетяне уже были на Земле...

— Были их предки. Сейчас на Землю летели, но, увы, не долетели их потомки.

— Знаешь, я лучше сяду... — ослабевшим голосом проговорил Зеленин. — Смешно, но от всех этих неожиданностей у меня даже в такой невесомости подкашиваются ноги...

— Я как раз хотел предложить тебе сесть.

— Зачем?

— Для проверки одной гипотезы. По-моему, смысл этого «неба» над головой в том, чтобы мы, люди, видели все в привычном для нас освещении.

— Что «все»? Пустоту?

— Нет. Видишь эти квадратики на полу и кнопки в подлокотниках? Меж ними явная связь.

— Согласен.

— Тогда вопрос. С чем таким инопланетяне могли покинуть Землю, а теперь вернуться, что ясно и однозначно раскрыло бы нам при встрече, каковы они?

Зеленин сосредоточенно задумался.

— Да, — сказал он наконец. — Раз они шли на контакт, эта задача перед ними стояла — сразу рассеять возможные сомнения человечества. Чем же они могли... Информацией о земном прошлом? Глупо, сами имеем. Знаниями... Стоп! Как бы мы сами поступили, вновь отправившись к тем, с кем прежде рано было вступить в контакт?

— И что при первом посещении мы могли взять такого, что не обеднило бы то человечество и стало бесценным подарком для нынешнего?

— Как, неужели ты думаешь...

— Отперты были только две двери. Свет зажегся только в двух случаях. С чьим кораблем мог скорей всего повстречаться погибший звездолет в этом участке Пространства? С земным. У инопланетян была цель, и перед смертью они позаботились о ней как о самом важном. Эти кресла — приглашение сесть. Нам остается лишь нажать кнопки.

— Так нажмем их, — дрогнувшим голосом сказал Зеленин.

В немом восхищении оба смотрели на отлитое в серебре летящее тело Пенорожденной. Статуя, как бы из ничего, возникла над ближним квадратом. Откинув голову, готовая обнять мир, с улыбкой счастья, девушка возносилась из бега морской волны, и свет соленой влагой мерцал на крутой груди, ветер порывом откидывал невесомые волосы, и вся она была порывом открытой солнцу юности. Сияющим и лучистым взглядом она глядела поверх закованных в скафандры космонатов, а те, онемевшие, стояли перед ней, забыв о космосе и о времени, о знаниях своего века и о мудрости тех, кто погиб, возвращая Земле это нежное чудо.

«Да, — наконец пришел в себя Конкин, — мы поступили бы так же. Не понимая, даже не принимая чужой красоты — спасли бы ее. Ибо можно восстановить утраченное знание, и вернуть жизнь в пустыню, и даже зажечь угасшее солнце. Одного разум не может ни под какими звездами: вновь обрести погибшее искусство...»

Конкин попытался представить, сколько великих сокровищ было утеряно за долгие столетия земных войн, и не смог. Тысячи статуй создал Пракситель: они не дошли до потомков. А сколько осталось неизвестных художников, какие творения вообще забыты? Кто помнил, кто знал о существовании вот этой прекрасной девушки?

Забвение — вот самое страшное для человека слово.

Конкин придвинулся к статуе. Он ни на секунду не усомнился, что перед ним лишь голографический слепок утраченной людьми скульптуры. Но разницы не было никакой, пальцы невольно ждали встречи с одухотворенным металлом. Конечно, нет! Рука прошла сквозь пенное серебро волны.

Так и должно было быть. Взять оригинал — значило бы его похитить. Но и оставить было невозможно, поскольку инопланетяне прекрасно понимали, какая судьба ждет юное человечество и как ничтожен шанс этой красоты уцелеть. Они взяли с собой только образ, но образ, равный оригиналу, где и когда угодно восстанавливаемый в своей телесности. Так изваяние стало неуничтожимым, девушка бессмертной, точно и не было варвара, который там, на Земле, однажды переплавил эту красоту в звонко брещащие монеты.

— Может быть, на своей планете они не только хранили, но и любовались ею, — глухо проговорил Конкин.

— Все узнаем, — спокойно ответил Зеленин. — Раз они взяли ее с собой, значит, уже тогда они разглядели в людях лучшее. Какие еще могут быть трудности?

Он уверенно нажал подряд на все кнопки. И люди увидели,

как, теснясь и заполняя собой пространство, к ним возвращается все древнее, казалось бы, навеки утраченное искусство былых времен и народов.

Конкин неподвижно завис над ярко озаренным прожекторами телом чужого звездолета. Инаковость его форм уже не поражала, наоборот, казалась гармоничной. Полное совершенство замысла и исполнения — вот что теперь видел глаз.

Внезапная, дотоле, видно, дремавшая мысль, отеснив счастливую усталость, наполнила Конкина беспокойством. Какая странная, если вдуматься, и хрупкая нить случайностей привела их к погибшему кораблю, вернула Земле ее сокровища! Если бы не раннее его, Конкина, пробуждение, точка, очевидно, исчезла бы с экрана, прежде чем на нее взглянул человек. И если бы не дотошная любознательность Киб... Если бы, если бы, если бы!

Да, но что в этом особенного?

Столь неочевидный поворот мысли поразил Конкина. Действительно! Самое удивительное, что в этом «чуде случайностей» нет ничего особенного. «Если бы» вездесуще. Если бы Земля возникла чуть дальше от Солнца или была чуть ближе, о какой жизни могла идти речь? Если бы само Солнце оказалось активней... Миллионы «если бы»!

А в результате — мыслящий разум.

Слепая игра вероятностей, обычная закономерность случайного, вот и все.

Но разум-то не вслепую играет! Как мог бы художник достичь совершенства, перебирая все сочетания красок и форм? Ему и миллиарда лет не хватило бы. Как ученый из такого же хаоса вариантов смог бы выделить связующий факты закон? Менделеев — тот часть этой работы проделал во сне... Связей в мире больше, чем атомов, но разум не теряется в этой чащобе. Ему даже удается предвидеть будущее.

А их, людей двадцать первого века, интуиция оказалась сегодня всего лишь равной гениальному усилию того скульптора, который тысячи лет назад изваял под небом Греции эту прекрасную девушку. Впрочем, так ли уж равной? Из бесконечных сплетений действительности они всего лишь выхватили нужную нить, из миллиарда возможностей выбрали наилучшую, следствием чего стал верный поступок. Но такого же творческого взлета могли достичь и другие люди; не эта, так другая, третья цепь совпадений могла бы их привести к тому же открытию. А древний ваятель создал то, что никто, никогда и нигде не смог бы повторить ни при каком стечении обстоятельств!

Вот что инопланетяне поняли давным-давно. Вот что они спасали и спасли.

Обратясь лицом к мертвому кораблю, Конкин в безотчетном порыве поднял руку в приветствии тех, на чьем языке говорил древний ваятель:

— Хайре! Здравствуйте!

